

ГЕОПОЛИТИКА КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА И ТИП ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Статья посвящена геополитике как науке, изучающей закономерности управления пространством, и как общественному феномену. Проводится различие между геополитикой как академической дисциплиной, возникшей в конце XIX в., и геополитикой как типом пространственного проектирования, рожденным эпохой Великих географических открытий. Делается вывод о том, что геополитика как тип проектирования желаемого для субъекта состояния географического объекта является предпосылкой геополитики как вида специализированного научного знания.

Ключевые слова: геополитика, пространственное проектирование, геополитические образы, коллективные представления, ментальные феномены сознания, цивилизация, государство.

Мир стремительно меняется. Признаками этого изменения можно считать трансформацию геополитической структуры мира, рост активности и влияния на политические процессы так называемых «несистемных» политических сил, использование современных методов и средств коммуникации для широкой общественной мобилизации в ситуации дефицита каналов взаимодействия по линии «власть – общество». В условиях переходного состояния современной мировой системы возникает потребность в осмыслении кризиса той политической модели, в которой национальное государство играло определяющую роль. Одним из инструментов такого осмысления является геополитика с ее обостренным вниманием к взаимному наложению институциональных и сетевых отношений, к проблемам макро- и субрегионального развития, к человеку как носителю геополитических установок и ментальным феноменам его сознания. В этой связи чрезвычайно актуально обращение к геополитике как научному и общественному феномену, открывающему возможность пространственного проектирования такого состояния географических объектов, которое было бы желаемым для людей, народов, государств.

Как научная дисциплина геополитика представляет собой междисциплинарную область, изучающую закономерности контроля над пространством со стороны участников глобального процесса коммуникации на нашей планете. В самом общем виде геополитика как область научного знания исследует влияние географических факторов и географического положения на политическое развитие государства и его «пространственное (в терминологии Ф. Ратцеля) поведение». Она рассматривает пространство, содержащее некий потенциал саморазвития, как фактор политического развития государств, народов, индивидов.

Отцом-основателем геополитики принято считать немецкого географа Фридриха Ратцеля, который, отталкиваясь от популярной в конце XIX в. эволюционистской доктрины, сформулировал основы «пространственного» подхода к изучению политики. Принципиально важным в этом подходе оказалось положение о взаимосвязи территории («почвы») и населения («народа»), из которой рождаются государства. Сам термин «геополитика» был введен шведским географом Рудольфом Челленом, который подчеркнул обусловленность политических процессов географическими факторами.

Опираясь на идею Ратцеля о государстве как живом организме, Челлен предложил динамический подход к государству и его географическим атрибутам, заложив основы новой академической дисциплины, предметом которой стали технология управления и контроль над пространством.

Ядром геополитики была политическая география, в центре внимания которой традиционно находится сила и мощь государства, прежде всего военная, выражающаяся в способности решать задачи внешней безопасности, а также территориального расширения. Это выводило на первый план в геополитических исследованиях проблему взаимосвязи власти, территории и ресурсов.

Интерес к ресурсным возможностям государства, с которыми связана его сила и мощь, обусловил выход геополитики за пределы политической географии. В XX в. произошло усиление экономической составляющей ее методологической матрицы благодаря трудам Н. Кондратьева, Ф. Броделя, И. Валлерстайна. Геоэкономика позволила объяснить, как при помощи экономической мощи государства достигают внешнеполитических целей, перераспределяют в свою пользу мировые ресурсы и власть, обеспечивают собственное экономическое, технологическое и инновационное развитие.

Распад СССР и конец биполярной модели мира предопределили кризис традиционной геополитической модели исследования. В настоящее время, по мнению В. А. Дергачева, она все больше ориентируется на учет целого ряда цивилизационных факторов, что предполагает совмещение географического, исторического и социологического анализа [2004]¹.

В современных исследованиях принято различать геостратегию и геополитику. Как полагает М. В. Ильин, геостратегические исследования нацелены на построение ресурсных моделей государств и отношений между ними в условных пространствах. Геополитика же, по его мнению, имеет дело с качественно определенными пространствами, объединяя информацию о характеристиках самого пространства с информацией о способах политической организации в

данном пространстве. В фокусе геополитики оказывается специфика взаимовлияний географических факторов, включая население, и различных форм управления, а также возможности и ограничения, накладываемые географией и историей на организацию власти и управленческие практики [1998. С. 82–83].

В современном развитии геополитической мысли выделяются следующие крупные направления: атлантизм, континентализм и прикладная геополитика. Атлантистские теории представлены работами Х. Маккиндера, А. Т. Мэхена, Н. Спайкмена и их современных последователей – Г. Киссинджера, С. Хантингтона, З. Бжезинского. Эта англосаксонская традиция, исходя из функциональной ориентации населения, делит мир на народы Суши и народы Моря. Ее теоретики отстаивают постулат о доминировании народов и стран, тяготеющих к морю, над народами континента. Это обусловлено, с их точки зрения, ведущей ролью прибрежных цивилизаций, которые продуцируют культурные импульсы, расходящиеся далее вглубь континентов. Данное направление обосновывает мировое лидерство народов Моря, прежде всего представителей англосаксонской культуры, их первенством в научно-техническом прогрессе, позволившем добиться стратегического приоритета благодаря развитию технических средств. Ценностное содержание атлантистской доктрины базируется на догмате соперничества Запада и Востока, необходимости доминирования Запада в целях повсеместного распространения идеалов прогресса – конституционной демократии и прав человека в их либеральном понимании, как в наибольшей степени соответствующих идее гуманизма. Инструментом этой стратегии видится интеграция в западную цивилизацию всех обществ в Латинской Америке и Восточной Европе, чьи культуры близки западным ценностям в такой «прогрессорской» интерпретации.

Противоположностью атлантизма является континентализм, геополитическая традиция, обосновывающая экономическую и политическую гегемонию одной страны или группы господствующих на континенте стран. Континенталистские школы возникли и развивались в России (Н. Я. Данилевский, В. И. Ламанский, А. Е. Вандам, евразийство), в Германии (Ф. Ратцель, К. Хаус-

¹ См. также: <http://dergachev.ru/book-geop-2004/3.html>

хофер, К. Шмит) и по определению невозможны в англосаксонском мире. В практическом плане реализацией континенталистских устремлений был советский геополитический проект. Его опыт был обобщен за пределами СССР, русскими интеллектуалами в эмиграции (евразийцами). В постсоветский период континентализм реализуется в тесном экономическом и политическом сотрудничестве России и Европейского союза, в частности, в партнерских отношениях двух континентальных стран, России и Германии, ответственных за стабильность на европейском континенте после распада биполярной модели мира.

В 1970-е гг. в геополитике формируются предпосылки для отказа от географического дуализма и деглобализации геополитического мышления. Существенным моментом указанного тренда является феноменологизация пространства в географических исследованиях. Разнообразие регионов, стран, континентов затрудняет возможность формирования единого и при этом достаточно корректного географического образа мирового развития [Замятин, 2004. С. 67]. Между тем есть потребность ментально освоить не только обитаемое, но и необитаемое пространство. Свой вклад внесли массовые миграции и развитие туризма, стремление людей путешествовать по миру. Стремление визуализировать представления о странах и регионах, сделать их более рельефными, входит в противоречие с необходимостью дистанцирования, отвлечения от политических, экономических и культурных деталей ради создания компактного, легко манипулируемого образа. На этом пути возникает осознание культурной опосредованности пространственных представлений и стремление постичь закономерности формирования коллективных пространственных представлений.

В этом интеллектуальном контексте в европейской геополитической науке формируется так называемая прикладная геополитика, которая ставит в центр анализа конкретное региональное пространство. Наиболее известной школой, представляющей это направление, является школа Ива Лакоста, объединившая широкую группу географов, историков, социологов и политологов вокруг журнала «Геродот». Она получила название «внутренней геополитики». В целом это направление может восприни-

маться как противоположность традиционной геополитике, так как в центре внимания здесь оказывается не государство, а человек в интерьере внутреннего геополитического пространства.

Применяя геополитический анализ для объяснения региональных явлений, современные французские авторы рассматривают пространство как элемент развития человека, которое может актуализироваться в качестве политического фактора, а может и не актуализироваться как таковой [Бабков, 2010. С. 70]. Закрепляя антропологический подход в исследованиях, представители этой школы уходят от жесткого географического детерминизма, уделяя значительное внимание анализу исторических факторов, коммуникации людей, денег, товаров и символов. Геополитическое пространство региона в этом подходе предстает как географическое и символическое единство, порожденное историей проживания населения на данной территории. Геополитическое пространство исследуется как феномен, порожденный творческой деятельностью человека и «артикулированный» им посредством символов и образных презентаций [Моро-Дефарж, 1996. С. 142].

Как интеллектуальное движение, рожденное на стыке академической науки и практической политики, геополитика пытается «усидеть на двух стульях», сохраняя известную двойственность: с одной стороны, обладание статусом академической научной дисциплины, с другой – принадлежность к политике вне зависимости от того, сознательно ли она формируется или осуществляется стихийно. Однако, как полагает Д. Н. Замятин, сами геополитические исследования не являются политическими текстами в прямом смысле этого слова [2004. С. 57]. Полагая самоопределение в конкретном географическом пространстве необходимым актом установления властных отношений [Там же], геополитика целиком привязана к географической карте мира в том ее виде, в каком она сложилась после эпохи Великих географических открытий. Геополитика помещает вновь открываемое в уже сформированную Великими географическими открытиями картину мира, выполняя общезначимую культурную функцию: сохранение, несмотря на увеличивающийся объем информации, целостности картины мира.

Строго академические геополитические исследования связывают карту с письменной интерпретацией. Таковы, например, исследования Х. Маккиндера и К. Хаусхофера, накладывающие текст (смысловую интерпретацию) на географическое изображение. Географические образы в этом случае формулируются в смысловом поле взаимодействия картографических изображений и смысловых интерпретаций [Замятин, 2004. С. 51].

Однако геополитика всегда сохраняет возможность отделения языка от картографической основы. Попадая в систему особых языковых концептов, например, идеологических (колониализм, империализм, перманентная революция или построение социализма в одной отдельно взятой стране), географические понятия (Европы, Азии, Америки, России, Китая) могут вообще утрачивать связь с традиционной географией. Аналогичный механизм наблюдается, например, в процессе художественного творчества: литературного, музыкального, образительного [Там же. С. 52].

Примером такого отделения может служить долгая жизнь биполярной модели мира, рожденной эффектом идеологизации географического пространства. Так, в период противостояния западного и восточного блоков образ СССР ассоциировался на Западе с империей зла, а дихотомия либерализм – коммунизм из идеологической постепенно трансформировалась в морально-этическую. Оформленная в соответствующую идеологическую оболочку, эта модель стала инструментами политического действия западных государств в идеологической войне против СССР.

Концептуальный каркас геополитического анализа базируется на фундаменте взаимосвязанных, генетически восходящих к мифу и родственному ему искусству пространственных образах: Восток, Запад, Европа, Азия, Евразия, Россия, Китай и т. д. Образы пространства создаются культурой или цивилизацией, которая живет ими. Изменяются обстоятельства жизнедеятельности людей – трансформируются и сами образы, и их сочетания в зависимости от изменения целей деятельности [Костинский, 1997. С. 16–32; Замятин, 2004. С. 7]. Географические образы формируются вместе со становлением культуры как часть иденти-

фикационной матрицы соответствующих ей коллективных сообществ.

Геополитические же образы выделяются в качестве специфических пространственных моделей из общей среды пространственных представлений лишь после Великих географических открытий и утверждения гелиоцентрической картины мира, т. е. начиная с XVI в. Этот пространственный переворот в сознании человечества открыл возможность помыслить земной шар как единое целое. Глобус как мысленная проекция Земли послужил инструментальной моделью для образных манипуляций с мировым пространством и его отдельными сегментами. Пространственное мышление в эпоху модерна выходит на новый уровень, уровень пространственного проектирования, который мы сегодня и называем геополитическим.

Поэтому представляется правомерным выделять два толкования геополитики. Первое, дисциплинарное толкование открывает возможность отождествить геополитику с наукой и видом специализированной деятельности, рожденным на стыке теории и политики в конце XIX в. Оно позволяет дать определение геополитики как области междисциплинарного научного знания, предметом которой является изучение взаимосвязи между географическим положением стран и регионов, с одной стороны, и их внешней и внутренней политикой – с другой [Замятин, 2003. С. 688]. Второе, более широкое толкование, помогает увидеть геополитику как формирующийся в социокультурной атмосфере XVI–XVIII вв. общественный феномен, который можно охарактеризовать как тип пространственного проектирования, нацеленный на достижение желаемого для субъекта состояния географического объекта и связанных с ним реалий (ресурсов, населения, государственного состояния).

Субъектами геополитического управления принято считать государства. Однако носителями геополитических проекций (образов) являются люди, реализующие на практике геополитические акты. Конкретные управленческие и политические акции, равно как и научные теории, имеют своих авторов, индивидуальное поведение которых обладает качеством обусловленности коллективными представлениями народов и созданных ими цивилизаций, склонных рас-

смаатривать собственные представления как эталон.

Это обстоятельство позволяет характеризовать геополитику также и как форму политического участия, нацеленную на мобилизацию народов и элиты на решение актуальных задач, стоящих перед обществом, с помощью географических образов с заложенным в них зарядом политических ориентаций и установок. Задачи геополитики, говоря словами В. Л. Цымбурского, заключаются в следующем:

- породить у элит и народа мысль об отождествлении с неким «географическим организмом», изображаемым моделью;
- увлечь их сознание некоей «жизненной проблемой» этого организма;
- направить их волю на решение этой проблемы [2001]².

Механика геополитического действия заключается в последовательности следующих шагов: 1) зарождение образной проекции, содержащей идеологическое наполнение, в социокультурном контексте соответствующей культуры / цивилизации; 2) артикулирование государством или группой элит программы действий; 3) геополитический акт. Стоит отметить, что осуществленный акт предполагает рождение новых образных проекций, и сам механизм проектирования, таким образом, начинает работать по принципу обратной связи.

Источником геополитических образов, концепций и практик выступают цивилизации и составляющие их народы, в недрах коллективного сознания которых происходит формирование сложного комплекса внешне- и внутривнутриполитических ориентаций. Не является исключением и российская многонациональная цивилизация, что побуждает учитывать значимые мировые тенденции, влияющие на ее развитие: полицентричность (многополярность) мира; конфликт между унифицирующим воздействием глобализации, интенсифицирующим модернизацию отдельных стран и регионов, и реальной потребностью их населения в сохранении мироцелостности, заставляющей сопротивляться ее вестернизированным формам; повышение статуса внутренних

регионов различных государств на международном политическом поле.

Последнее обстоятельство актуализирует проблему изучения внутренних регионов, в том числе и макрорегионов России, таких как Юг, Кавказ, Урал, Север, Сибирь, Дальний Восток, их влияния на мировую геополитическую ситуацию. С распадом СССР граница между внешней и внутренней геополитикой стала условной. Значительная доля русских и русскоязычных соотечественников, граждан бывшего СССР, осталась за пределами России. Сама Россия принимает миграционные потоки из стран ближнего зарубежья, выступая принимающим сообществом по отношению к бывшим соотечественникам. Многие из них, в том числе и этнические мигранты, учились в советской школе, владеют русским языком, испытывают симпатии к СССР и России и готовы принять гражданство РФ. В то же время с мигрантами приходят иные, нередко чуждые россиянам традиции и модели отношений, препятствующие их интеграции в российское общество.

Свободное перемещение людей, товаров, денег через национальные границы увеличило социальную сравнимость. В глобальном обществе, частью которого является современная Россия, средства коммуникации позволяют человеку выбирать объект для сравнения чрезвычайно произвольно. Результатом этого сравнения нередко оказывается депривация, восприятие собственного положения как незаслуженно ущемленного в сравнении с другими, что чревато социальными взрывами.

Проблемы возникают не только в межличностной или межгрупповой, но и в институциональной сфере. Современное национальное государство испытывает давление со стороны транснациональных корпораций (ТНК) и межгосударственных союзов, в которые оно оказывается вовлеченным. Влияние ТНК и межгосударственных союзов с их экономическими и политическими структурами обуславливает неоднородность и неравномерность развития регионов внутри государства, усиливает мощь одних и ограничивает возможности других.

Указанные проблемы находятся в поле внимания целого ряда научных школ, в том числе и Новосибирской этносоциологической школы, созданной на базе Института

² См. также: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/review/wait>

философии и права СО РАН. Она объединяет исследователей, осуществляющих экспертную деятельность в сфере социологического анализа теоретико-методологических и прикладных проблем, касающихся состояния и регулирования современных этносоциальных процессов в Сибири и сопредельных территориях (в том числе на Дальнем Востоке, на Крайнем Севере и в Монголии) в контексте социальных трансформаций и глобализации, усиливающих межцивилизационных и межэтнических взаимодействий.

Методологическими приоритетами Новосибирской этносоциологической школы являются ориентация на системно-генетический и цивилизационный подходы к анализу российской реальности, выявление социокультурных факторов, обусловивших характер современных трансформаций [Попков, 2008; 2009]. В настоящее время в связи с нарастанием глобализации и регионализации повышается степень рефлексивности индивидов – представителей этнических, региональных, субцивилизационных общностей, что предполагает учет активности человеческого сознания. В этой связи востребованным оказывается междисциплинарный подход на основе синтеза цивилизационного, системно-генетического и феноменологического методов анализа. Феноменологический метод открывает для социального субъекта, будь то индивид, общество или социальная группа, возможность моделирования таких структурных условий, которые были бы желаемыми для него, а для исследователя – возможность изучения структур сознания и их влияния на социальное поведение и деятельность. В настоящее время понятие ментальности уже доказало свою высокую эффективность в гуманитарных исследованиях. Перенесение его в социальное знание позволит глубже понять взаимную обусловленность социальных явлений и идей.

Научные идеи, проникнув в сознание людей, порождают ощущение того, что они есть отражение подлинной реальности. На основании этих идей люди делают выбор, строят планы, осуществляют социальные акты. Понимание механизма «обратного действия» идей на социальные институты и

культурные образцы становится насущной задачей.

С этой точки зрения геополитика вызывает одновременно теоретический и практический интерес. Опираясь на ментальные образы, геополитика нацеливает на достижение реального политического результата. Такое соединение воображения и политического акционизма открывает перспективы пересмотра «догоняющей» модели модернизации, создания научного базиса для формулировки положений «опережающей» модели развития страны и составляющих ее регионов. Возможно, пересмотр некоторых положений модернистской парадигмы послужит прологом «возвращения» человека в социальные науки в качестве творца истории и субъекта социального и политического действия.

Список литературы

Бабков А. Иконографический подход в работах французских геополитиков // *Власть*. 2010. № 7. С. 69–73.

Дергачев В. А. Геополитика: Учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 526 с.

Замятин Д. Н. Власть пространства и пространство власти: географические образы в политике и международных отношениях. М.: РОССПЭН, 2004. 352 с.

Замятин Д. Н. Основные политико-географические и геополитические термины и понятия // *Империя пространства: Хрестоматия по геополитике и геокультуре России*. М.: РОССПЭН, 2003. С. 688–689.

Ильин М. В. Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // *Политика*. 1998. № 3. С. 82–94.

Костинский Г. Д. Географическая матрица пространственности // *Изв. РАН. Сер. географическая*. 1997. № 5. С. 16–32.

Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. М.: Конкорд, 1996. 148 с.

Попков Ю. В. Роль академика А. П. Окладникова в формировании и развитии новосибирской школы этносоциологии // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2008. № 4. С. 8–10.

Попков Ю. В. Академик А. П. Окладников и сибирская этносоциология // *«Номо Eurasicus» у врат искусства: Сб. науч. тр. /*

Под ред. Е. А. Окладниковой. СПб.: Астерион, 2009. С. 29–34.

Цымбурский В. Л. Дождались? Первая монография по истории российской геополитики. Рец. на кн.: Алексеева И. В., Зеле-

нов Е. И., Якунин В. И. Геополитика в России: между Востоком и Западом. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001.

Материал поступил в редколлегию 27.03.2012

E. A. Erokhina

GEOPOLITICS AS A SCIENTIFIC DISCIPLINE AND A TYPE OF SPATIAL PLANNING

The article is dedicated to the geopolitics as a science that studies the patterns of spatial planning, as well a public phenomenon. In this article the distinction carried out between geopolitics as a academic discipline that emerged in the late of XIX century, and geopolitics as a type of spatial planning that arose in the Age of Discovery. It is concluded that the geopolitics as a type of designing of geographic object's desired state for a subject is a precondition of geopolitics as type of specialized scientific knowledge.

Keywords: geopolitics, spatial planning, geopolitical images, collective conceptions, mental phenomena of consciousness, civilization, state.